

Подчеркивая, что знание есть бытийственность, оба мыслителя пытаются возратить категории знания его исходное онтологическое основание.

А.А.Шерер

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОТАЛЬНОГО НАСТОЯЩЕГО: «ОНТОЛОГИЯ ПРЯМОХОЖДЕНИЯ» М.ХАЙДЕГГЕРА

Ситуация постсовременности, провозглашенная, или, если следовать правилам, самопровозгласившаяся, возвещает о своей инаугурации речитативом текстов, возвещающих смерть автора. «Король умер, да здравствует король!» На смену портретным галереям в истории философии приходят мозаичные своды мавзолеев Текста.

Аксиологическую нагрузку принимает на себя значимость текста, а не персонального философского учения. Не культура становится хранилищем текстов, а текст становится носителем культурных матриц и смысловых полей. Состояние «цивилизованного» человечества конца XX века нередко характеризуется как кризис культуры и морали. Самое главное, что это кризис философского осмысления данного положения вещей; постмодернизм не предлагает выход из данной ситуации, а принимает ее как неизбежную, стремясь в глобальном полифоническом тексте найти себе местечко, в которое можно будет ускользнуть от чудовищ языка, говорения, институтов власти. (Примером может служить бартовская стратегия избегания тотализации структурного влияния — стремление лишить себя пола, языка, чтобы не попасть под власть структурирующих механизмов, действующих в обществе).

Хайдеггер в такой ситуации становится особо весомой философской фигурой.

Я считаю, что при изучении Хайдеггера незаслуженно игнорируется его призыв движения в будущее. Главное у Хайдеггера, на мой взгляд, не критика европейской метафизики, а анализ онтологической сущности человека как стремления к подлинности. Само полагание этой подлинности в лице Истины, Истины человеческого бытия в мире, Истины приятия, понимания и освоения этого мира как своего, Истины самоидентификации, совпадения с самим собой, — это бытие невозможно без непрерывного движения вперед, без отказа от сиюминутности своего существования, без постоянного прорыва, прошагивания в Ничто, как проверки истинности своих границ, своих береговых очертаний, своей формы. Именно эта направленность в будущее, прорыв в неизвестность, в неоформленное протопреимия и протопространство, вхождение в зону несуществования, в Ничто зачастую оставляется без внимания. Крик Хайдеггера о том, что Истина возможна только в становлении, остается неслышанным. Зов бытия в напрасном и немом отчаянии вызывает со страниц Книги Книг: «имеющий уши да услышит!» и остается гласом вопиющего в пустыне.

Нельзя сказать, чтобы слова эти не были прочитаны, или же что поиск Истины человеческого бытия никого не интересовал хотя бы из чисто научных или карьеристских соображений, беда в том, что увидев столь многообещающий ракурс, раскрывающий бытийные основы «здесь-и-сейчас», прельстились широтой открывающихся возможнос-

© А.А.Шерер, 2001

тей для тренировки феноменологического рассмотрения наличного бытия, что начали сдвигать горы в анализе сиюминутности, в выявлении влияний и последствий метафизического взгляда на жизнь, и при этом не слишком задаваясь вопросом — «а ради чего?». Да что там вопрос! Исследование повседневности развернулось так широко и зашло так далеко, что разговор о чем-либо, не существующем в границах наличного «сейчас», получил оттенок ненаучного, мечтательского, «метафизического». Однако Хайдеггер, на мой взгляд, поднимая проблему преодоления метафизики, имел в виду совершенно иную цель.

Философия пост-модернизма, рассматривая все существующее как некий глобальный Текст, стремится избавиться от метафизики (выступающей в данном случае как герменевтическая ошибка, неправильная техника чтения) путем аннулирования «вредоносных» терминов, таких как «бытие», к примеру. Однако такая текстуальная абсолютизация, провоцируя безудержные поиски раковых опухолей и лакун, есть, по сути, манифестация метафизики нового порядка — метафизики Текста.

Хайдеггер же не рассматривает феномены языка, мышления, текста только в контексте метафизического ландшафта, анализ их культурного проживания не является для него только реконструкцией текста. Он побуждает задуматься над значением для человеческой жизни таких понятий, как мышление, язык, история, бытие. Эта задуманность, по Хайдеггеру, есть первый шаг на пути к их подлинному смыслу, к истине человеческого существования. Проблема будущего имеет самое актуальное значение для преодоления кризиса современности, который выразился в тотализации настоящего, в потере перспектив для человечества как человеческого по своей сути.

Призывая осознать необходимость будущего в качестве будущего, а не вынесенного вперед во временной прямой настоящего, Хайдеггер предупреждает об опасностях «вечного настоящего», первая из которых — это потеря человечеством своей историчности. При утрате историчности — историческое и философское наследие не вступает в права наследства, не исследуется. Следы предшественников утрачиваются. Происходит дележ владений, мертвой земли, которая уже не способна стать пашней; пишутся диссертации, делаются имена и карьеры, а смысл, живое дыхание древней мысли утрачивается; более того, сам вопрос о существовании смысла снимается; утверждается философия бессмысленного.

Цель ее — отказ от смыслополагания, жизнь лишается высшего смысла, а значит, и ценности. Если нет ничего ценного, а есть только сиюминутное существование, нет будущего, нет и ответственности перед будущим. Симптом — наркомания, жизнь от дозы до дозы. Философия и искусство исчерпали себя — началась всеобщая игра в бисер, — творческие потенции заглушаются лавиной уже имеющегося в наличии, соблазном бесконечных ремэйков и комбинаций (ах, посмотрите, как неожиданно я скомбинировал авторов, как выгодно под этим ракурсом смотрится проблема, какой смелый полет ассоциаций, оригинальный видеоряд образов!). Искусство утилизируется, ставится на потребу комфортности (см. выставки, репродукции, видеомэгнитофоны, памятники архитектуры для украшения усадеб). Мораль вытесняется.

На все это работает вторая особенность вечного настоящего — на­растание информации. Слишком много культурных образцов и матриц в одновременном распоряжении, а поскольку смысл и без того под вопросом, такое многоголосие морали узаконивает самые девиантные формы сосуществования. В ситуации морального эклектизма любое амплуа найдет тех, кто его примет, а одобрение и принятие семья становится необязательным, т.к. связь поколений превратилась в фикцию, в обузу; старшее поколение перестало быть донором смыложизненных установок, т.к. произошла потеря историчности.

Наука продолжает развиваться, хотя сам принцип развития более чем сомнителен, т.к. предметная установка для той науки, которую мы имеем, является самой продуктивной; но итог ее развития лишает смысла существование человека — пользователя ее продуктов; научное перепроизводство превращает человечество в бессмысленную массу — сырье для Ноосферы, царства искусственного интеллекта. В ситуации перепроизводства и перепотребления всего на свете человек не легитимизирует свою телесность, а видоизменяет ее. Легитимизируется в данном случае не тело, а принцип получения удовольствия от тела, само же тело ради этого задвигается на задворки, видоизменяется и превращается с помощью достижений науки и пищевой промышленности в инструмент для получения и продления удовольствия.

В экзистенциальном плане происходит потеря «Я», нарушение самоидентификации вследствие легкости выбора любой роли. Личность без душевной работы разрушается, мельчает; «Я» застопоривается, не происходит. Вообще ничего не происходит, месьиво настоящего плодит и множит комбинации своих элементов и неуклонно движется к глобальному кризису человеческого перепроизводства. Слепцы оглохли на оба уха и теперь не только не видят пути, но и не слышат, как гулко скатываются в пропасть камни из-под их ног.

Мне бы хотелось предложить «посмотреть на Хайдеггера сквозь мою подозрительную трубу», и не из-за того, что полагаю свою оптику в чем-либо лучше прочих [«лучше»–«хуже» — вообще стоят, на мой взгляд, за пределами фундаментальной онтологии], а в силу того, что такой угол зрения дает небезынтересное развертывание проблемы. Я считаю, что внутренняя интонация текстов Хайдеггера зазвучит яснее, если прочесть отношения бытия и времени через отношения бытия и ничто. Если попытаться рассмотреть прохождение бытия «в» и «через» ничто. То, каким образом «находится» то, что «есть». Как оно обнаруживает себя в качестве бытия, отличая себя от ничто. Куда «уходит» это «есть» и каким образом оно вступает в грядущее.

Фундаментальная онтология Хайдеггера для меня — это вопрос о шествии бытия, бытия, которое философски может быть узнано только как человеческое бытие, — это вопрос о шествующем сквозь время человеке. Первое, что отмечается с такого угла зрения, это близость понимания существа временных модусов у Хайдеггера и определенных степеней «реализации» бытия в обыденном понимании. «Еще не есть», «это есть» и «уже не есть», — ведь это традиционное понимание временной прямой, скажут мне. Не совсем, традиционная стрела времени, как было совершенно верно замечен в феноменологии, имеет только одно измерение — «теперь», ставшее уже привычным в упот-

реблении «здесь-и-сейчас». Ретенция и протенция это проекции точки «здесь-и-теперь», онтологическая сущность которой не изменяется, прошлого же и будущего как таковых не существует. Второй важный аспект, выделяемый в этом ракурсе, это видение того, к чему, собственно, и относятся все эти «есть».

Здесь и возникает основная фигура моих медитаций — фигура шагающего человека. Все построения фундаментальной онтологии высвечиваются наиболее ярко, если представить себе отношения бытия и ничто на модели движения человеческого тела*.

Если внимательно всмотреться в процесс этого движения, попросту говоря, ходьбы (как самого распространенного способа перемещения людей в пространстве), то наибольший интерес представит собой фаза «вышагивания». Это тот момент, во время которого одна нога уже вынесена вперед, но еще не опустилась на землю, вторая нога уже отрывается от земли, и центр тяжести уже переместился вперед, а не сосредоточен на опорной ноге... Где в этот момент находится человек? А, собственно говоря, нигде. Он еще не ступил на землю, но уже и не стоит, не держится на ней. Прямохождение, человеческий способ продвижения вперед, есть, по существу, постоянное вышагивание, пробрасывание себя в никуда, в ничто. Это постоянное выход за собственный предел, за границу того, где еще есть Я, туда, где уже ничего нет. Поэтому я не согласна с тем, что «забегание вперед» есть проект вынесения бытия за пределы «физического» нахождения тела, Vorweg-sein есть проект самого тела (иначе бытие становится бытием сознания, и стоило ли огород городить?). Вступление в будущее, выход за собственные границы имеет онтологический смысл, т.к. вынесение в ничто не лишает границ, а позволяет бытию обрести их; острота выхода в никуда очерчивает ту сферу, в которой бытие «есть», ничто выделяет бытию его место.

При такой постановке вопроса будущее обретает свое истинное значение экзистенциального выхода вперед, вынесения бытия на предел своей возможности и освобождается от того, чтобы представлять из себя «настоящее, которое будет» (т.е. то настоящее, которое уже есть, имеется в качестве настоящего, только где-то впереди на временной прямой). Необходимость такого вхождения в зону возможного закреплена в человеке морфологически, физически человек приспособлен только к движению вперед, стоять на одном месте телу нечеловечески трудно, проще упасть, пятиться назад ненамного проще.

Идущий человек размечает своим движением землю, превращая ее в почву, вмещающую его следы, земля же эта дарует человеку Край Небес, вычерчивая линию горизонта. Но почва почве рознь — есть плодородная пашня, а есть зыбучие пески. Как же «расползается» земля под ногами идущего человека? Каким образом человек движется во времени, раскрывая в себе бытие и обретая землю, очаг, дом своего бытия?

Попытаемся выстроить упорядоченную картину ответов на эти вопросы.

* (Я употребляю здесь слово «тело» не в образе некоего Франкенштейна, неодушевленного движущегося body, а в смысле телесного существа человека, чтобы не возникал соблазн вместо «человека» читать «человеческое сознание»). Т.к. уже имеет место искушение прочтения Dasein как «бытия-сознания».)

Человек, как пограничное существо, осуществляющее выход к ничто, позволяет ничто «выявить», «осветить» в себе бытие. Возникает связь «зияния» бытия и истины. Для Хайдеггера вопрос об истине становится вопросом об истине человеческого бытия, о его подлинности. Человек в силу своей конечности поставлен на границу с ничто. Осознавая свою смертность, он впускает в себя мысль о ничто, придающую значение его бытию. Истина заключена в явлении бытия, в постоянном вершении своего пути. Истина — это не фиксация положения вещей, она свершается в движении вперед, в будущее, в ничто.

Поэтому человек определяется как зияние, просвет бытия, просвещающий бытие. Человек как просвет бытия может быть уподоблен некой двери в небытие, или же оконной раме: «Оконная рама ограничивает открытость просвета, чтобы, придавая границу, собрать открытое, дабы вышло на волю являющееся, светящееся. Окно впускает близящееся свечение и благодаря этому выглядывает вовнутрь идущего в свою наглядность»¹⁷⁴.

Человек получает такую значимость, будучи неотъемлемым и необходимым составляющим мира, заключенного в «четверице». То, что человек есть одна из струн, удерживающих собой единство и гармонию космоса, объясняет «возможность доступа», открытость человека Истине.

Мир раскрывается и удерживается человеком в его мышлении, в творениях его рук, в искусстве, в слове. «Язык — обиталище, дом бытия», — это высказывание перестает быть поговоркой, если удерживаешь в себе мысль о том, что это конкретный человеческий язык, запечатлевший в себе объединяющее расхождение Неба и Земли, божественного и конечного, образующее мир. Человек — носитель языка, по-хайдеггеровски — пастух, сторож языка. Однако сторож может заснуть на своем посту и проспать, забыть бытие. Почему становится возможным забвение бытия? Дело в том, что наш сторож сторожит в настоящем времени, а настоящее, будучи благословенным даром, есть и великое искушение, а как показывает история, самое первое искушение человечества было чревато потерей дома.

Прошлое, настоящее и будущее — раскрываются через движение человека. Человек — просвет бытия, как носитель Ничто. Он разрывает неоформленную текучесть мирового потока жизни; в разрыве перед лицом Ничто бытие обнаруживает (выводит наружу, на свет) свои границы. Бытие человека дает сущему возможность существования. В точке соприкосновения с землей движущееся тело на мгновение, краткость которого неизмеримо мала, останавливается. Мимолетность этой точки опоры не делает ее малозначимой, малозаметной — т.к. только она и есть след, остающийся в Истории, точка творения, в которой весь неоформленный потенциал будущего может быть воплощен в конкретное — в произведение искусства, в поступок, в действие, в тело, которое, вырвавшись из своей текучести вдруг замирает, образуя в освещенности бытия четкий контур, поддающийся указанию: «вот оно здесь», «это тело есть».

Бьет час всякой вещи получить свое место и имя. Демокритово падение атомов образует устойчивые совокупности, видимые челове

¹⁷⁴ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1995. С. 263.

скому глазу и разуму; точнее, это человек, обретя точку отсчета, выделяет в бесконечном потоке жизни, в майя, некие целостности, вещи, доступные указанию и именованию. Совокупность химических элементов становится цветом в глазах человека.

Человек, пропуская поток майя через себя, через свое человеческое небытие, присутствующее в нем как конечность, наделяет бытие мерой человеческого, бытие становится миром, светом (*monde* — фр., «этот свет», «белый свет» — у нас).

Открытие мира дарует человеку его пребывание на земле в собирающем пространстве «четверицы». «Четверица» — это мир, а не образ или картина мира, сводимые к центральному положению субъекта. В творящем мир взаимоположении составляющих четверицы владением человека оказывается земля. Владение здесь есть дар, а не «собственность»; не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле. В этом дарении человеку даруется он сам, т.к. в возделывании земли человек обретает культуру, он в буквальном смысле культивирует собственное бытие. В возделывании земли человеку открывает человеческие (а не субъективные) единицы измерения мира — путь, слово.

Хайдеггер поясняет: «Снегопад приводит человека в ночи к померкшим небесам. Звуки вечного колокола приводят его как смертного к божественному. Дом и стол связывают смертных с землей. Названные вещи собирают, следовательно, призывают к себе небо и землю, смертных и божественное. Четыре суть изначально единое по отношению друг к другу. Вещи остаются покоиться при себе в квадрате четырех. Это собирающее оставление-в-покое есть вещь вещи. Мы называем это пребывающее в вещах вещи единой четверицей неба и земли, смертного и божественного, миром»¹⁷⁵.

«Здесь-и-сейчас» становится точкой раскрытия мира не только в силу того, что сущее в ней вводится в бытие и получает свою оформленность. Положение человека в «здесь-и-теперь» уникально тем, что оно находится на позиции точки отсчета. «Точка отсчета» — два этих слова истерлись в своем употреблении еще со времен школьного постижения азов физической науки, однако они несут в себе глобальную значимость для бытия человека в мире. Время и пространство разворачиваются в качестве таковых только исходя из существующей точки отсчета. Мир как целостная система ориентаций (пространственных, временных, этических, эстетических) зиждется на точке отсчета. «Здесь-и-сейчас» — это не констатация и не только способ, это залог человеческого бытия в мире.

Коварство момента заключено в том, что точка отсчета раскрывает мир человеческому сознанию. Самое соблазнительное для сознания есть возможность, находясь на точке раскрытия мира, открывающегося во времени и пространстве, стать на позицию теоретического освоения-захвата, набросить на этот мир систему координат. Человек, находящийся, как сказал бы Гуссерль, в естественной установке, в данном случае оказывается честнее, он также строит систему ориентиров, но основывает ее на том, что «есть» рядом с ним, что сподручно ему.

Где же коварство, о котором говорилось выше? Почему теоретическая разметка мира в виде системы координат получила оттенок нечес-

¹⁷⁵ *Современная буржуазная антропология*. М., 1988. С. 39.

тности? Опасность координатных систем скрыта в том, что устанавливая координаты «верх-низ», «правое-левое», «положительное-отрицательное», «лучше-хуже», «эстетическое-неэстетическое», они дают почку гипотетическим допущениям в конструкции «было бы...»

Фактура гипотетического мира начинает накладываться на восприятие мира настоящего и порождает сферу иллюзорного, уводя человека от истины сбывающегося бытия.

На том, что в момент столкновения шествующего бытия со вмещающей его следы исторической поверхностью «объективного времени» *всякая вещь приобретает свои настоящие* (четко индивидуальные) границы, а время и пространство допускают по отношению к себе определенную точку отсчета, легко попасться.

Слишком велик соблазн принять эту четкость за самую сущность бытийствования, тогда как это есть лишь краткий момент существования. Но ведь так просто эту дарованную нам возможность непосредственного указания «вот это», «здесь», «сейчас», «есть» принять за единственно возможное и необходимое.

Любые системы координат и исчисления легко применимы и эффективны в этой ситуации, когда вещь становится подвластной ограничивающему ее описанию, когда вещь есть предмет. Тем более, что то, что остается позади, в прошлом, застывшее в следах, уже лишнее движения бытия ставшее, позволяет относиться к себе как угодно. (статуи и полотна разных эпох за сходную плату обнажают себя перед глазами любопытствующих зрителей в музеях, древние храмы распиливаются на куски и украшают поместья и особняки). В них нет дыхания бытия, это останки, а «мертвые не кусаются», равно как и «стыда не имеют...».

Исходя из вышеизложенного, может сложиться впечатление, что настоящее — это настоящее и неизбежное зло, трагическое искривление истины человеческого бытия.

Это не так. Просто Хайдеггер писал о засильи настоящего, неподлинного настоящего в эпоху «полночи мировой ночи», а я пишу о Хайдеггере когда и вовсе «ночь за полночь», а до рассвета еще дальше, чем тогда от заката, поэтому желание преодоления этой неподлинности, искривленности обнаруживает себя раньше, чем описание «настоящей», как говорят дети, подлинной онтологической роли настоящего.

У настоящего великий дар — возможность творения. Человек оказывается способен к творчеству благодаря раскрытию мира в «здесь-и-сейчас». Человек существует. Мир человеческого бытия действителен, он не *был* и не *будет*, он *есть*.

Настоящее однородно бытию. Но при забвении будущего настоящее заикливается, застревает, становится вечным, человек живет единым днем и забывает о своей конечности, которая положена в будущем. Сознание конечности своего существования становится дискомфортным, т.к. подбивает псевдо-миф о вечности настоящего; небытие изгоняется из круга привычных вещей и взаимоотношений. Все, что может указать на предел настоящего, прячется за нагроможденностью вещей (которые вскоре становятся предметами, а затем образами предметов, множась симулякрами). Свет небытия меркнет, настоящее теряет свою сущность.

Человек забывает о своем предназначении, лишается места в гармоническом мире «четверицы». Забывая о своей конечности, человек рушит своды взаимоотношения смертных и божественного, провозглашая себя единственным владыкой мира. Но сама суть человека гибнет под обломками «четверицы», человек обращается в субъекта. Мир превращается в мир-постав, бесконечное производство предметности. Множащаяся предметность наваливается на человека, заслоняя собой горизонт духовного развития.

Вся беда в том, что все великолепные теоретические конструкты, которые строятся из «здесь-и-сейчас», из настоящего, тотализируют это настоящее, привешивая к нему построения «прошлого» и «будущего». История становится голой самодвижущейся из данного настоящего схемой, исторический процесс лишается равным образом историчности, и процессуальности, из события устраняется бытие. Из тотального настоящего плохо заметно, что точка «здесь-и-сейчас» является не столько точкой столкновения, сколько уже точкой отталкивания, толчка. Того отрыва, который дает силу движения «движущемуся вперед», туда, где уже разверзлась пропасть и готово новое столкновение, которое, отдав всю мощь напора грядущему событию, переведет становящееся в ставшее и заострится в точке следующего толчка, в мгновенном озарении грядущего настоящего.

Кроме того, получив возможность взгляда на мир с высоты точки отсчета, человек невольно оказывается искушаем встать на позицию субъекта, абсолютного зрителя открывающейся перед ним панорамы в виде расстилающейся перспективы времен Возрождения. Торжество координатных систем, триумф осознания человеком себя самого в качестве субъекта, наблюдающего открывающиеся перед ним перспективы нашел своего гениального выразителя, воплотившего в своем творчестве все возможности этого взгляда на мир. — Буквы, выводящие его имя уже ничего не скажут, так как в сознании его фигура возникла до того, как глаза прочтут в конце этой строки — Рене Декарт.

С Нового времени и по сегодняшний день властвует в умах позиция абсолютного субъекта, выстроенная Декартом, с таким трудом преодолеваемая единицами мыслителей и художников. Сомнения во всевластии новоевропейского взгляда на мир во многом проистекают из самого этого всевластия. Освоение Земли под знаменем европейского субъективизма открыло множество культур, в которых отсутствует понятие субъекта. Установленная же субъективизмом непреходящесть настоящего не позволяет очищать накопленный арсенал информации от фактов, подрывающих тотальность европейской культуры, сбрасывая их в целительное жерло Ничто.

Субъективизм не выносит ничто, т.к. в его свете становится заметным несовпадение субъекта и человека. Это несовпадение фиксирует себя в едва уловимом различении нравственности и морали, чувства красоты и критериев эстетического вкуса, ..., феномена и объекта феноменологии. Художники, ближе всех в наше время находящиеся к Краю свершения бытия, первыми почувствовали это несовпадение. А проявилось оно во время движения в неизведанное, в поиске новых изобразительных средств и целей. Тогда-то и оказалось, что перспектива, открывающаяся с балкона ренессансной культуры, вовсе не есть един-

ственная и истинная способность человеческого зрения. Не то чтобы король оказался уж совсем голый, но нашел свое выражение тот простой в своей очевидности факт, что у Декарта нет глаз на затылке.

М. Мерло-Понти в книге «Око и дух» изумительным образом описал ситуацию преодоления новоевропейского взгляда в живописи: «Пространство перестает быть тем пространством, о котором говорится в «Диоптрике»: сетью отношений между предметами, каким его увидел бы посторонний свидетель поля моего зрения или геометр, который его реконструирует и мысленно обозревает. Это уже пространство, отсчет которого ведется от меня как нулевой точки или уровня пространственности. Я не осматриваю его извне, с точки зрения внешнего охвата; оно видится мне изнутри и целиком меня в себя включает. Мир в конечном счете находится вокруг нас, а не перед нами. Свет вновь оказывается действием на расстоянии и уже не сводится к действию посредством контакта, другими словами, уже не понимается так, как мог бы быть понят теми, для кого он невидим»¹⁷⁶.

Системы координат, с блеском разворачивающиеся из «здесь-и-сейчас» настоящего как точки отсчета, создают уютное пространство ориентации, с гравюрной четкостью обрисовывая «мир» человека Нового времени. Человек, находящийся во владениях системы координат, чувствует себя «как дома» в любой точке земного шара. Он точно знает, куда и зачем он идет. Имея в руках компас, такой человек уверен, что двигаясь на север, он не попадет на юго-восток, да ему и не придет в голову удивляться в абсурдности подобного предположения, ибо в его мире нет места абсурду. Великое чудо картографии выравнивает перед неистовым путешественником-новоевропейцем любые рельефные особенности ландшафта; «энские» треугольники и прочие географические лакуны не имеют своего места на картах бодрого Национального Географического Общества. Со временем вообще отпадает необходимость в физическом перемещении куда-либо за пределы квартала, а то и вовсе комнаты с TV-set. Ведь всюду, куда бы мы ни попробовали поехать, нас встретит одно и то же пространство, для вящей комфортности укомплектованное стандартными американскими корпорационными отелями со стандартным шведским столом и кондишн. В самом деле, к чему ехать, скажем, в Египет, где стоит совершенно неуместная жара, если широкий и сверхплоский экран Samsung Bio Electronics донесет до наших глаз изображения гробниц и фараонов гораздо явственнее, нежели наши собственные глаза разглядели бы из-за обливающихся потом спин собратьев-экскурсантов?

Онтологически будущее носит статус несуществующего, единственной подлинной области возможного, которая дает настоящему его данность; эта данность в настоящем не ставится под вопрос, что и порождает метафизику присутствия. Постоянный выход на предел собственного существа, за границы себя самого, постоянная постановка себя под вопрос,- удовольствие не для слабонервных. Но только движение вперед есть надежная проверка на истинность собственного существования. При недвижимом лежании на боку границы личного «Я» теряют свою четкость, а по прошествии недолгого времени теряет смысл и вопрос о самом «Я». Личность мельчает, превращается сперва в пас-

¹⁷⁶ Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992. С. 38.

сивного лежебоку, а затем и вовсе в бездушное Man, нечто, что колыхается только побуждаемое внешними силами, и продвигается к какой-либо цели только несомое вперед толпой таких же обезличенных Man. «История бытия никогда не в прошлом, она всегда впереди. Она несет на себе и определяет собой всякую condition et situation humanies, всякую человеческую участь и ситуацию»¹⁷⁷.

Что же явит собой прошлое, если рассматривать движение бытия с точки зрения прямохождения? Пустое место, где уже нет движущегося тела? Не совсем. Прошлое — это след. След, остающийся на поверхности земли в тот момент, когда стопа шествующего уже готова оторваться от ее поверхности. Бытие, таким образом, проходит свою историю словно шаг за шагом проходит свой путь по земле человек. Вынесенное в будущее, в ничто, бытие определяет себя как возможность полагания первичного «есть», в своем становлении бытие обретает место и дает место пребывания всякому существу, став же ставшим, движение бытия покидает застывшую оболочку, подобно тому, как стопа покидает обволакивающий ее отпечаток в земле, превращающийся в след, след истории бытия, форму, хранящую отпечаток некогда наполнявшего ее содержания.

Прошлое — это хранитель традиции. След, остающийся на земле, — это не просто памятник тому, что было; след в некотором роде направляет движение вперед, не дает ему сбиться с пути, закружить на месте. Путеводная нить Ариадны не висала впереди Тезея, а обозначала пройденные им коридоры. Хайдеггер с трепетным уважением относился к традиции, находя в ней не просто сцену для разыгрывания воспоминаний, а руководство шествующему в полночной эпохе. Но при застревании настоящего наследство прошлого теряет свою цену, человечество не вступает в права наследства. Прошлое превращается в кладбище, в свалку, на которой музейные работники находят свои экспонаты.

А.С.Гагарин

ОДИНОЧЕСТВО И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Внимательное исследование отношения античной философии (и ментальности в целом) к проблеме одиночества дает все основания сделать вывод о преимущественно негативной характеристике одиночества как «последнего слова философии» (Шестов). Однако, следует заметить, что, во-первых, *преимущественно*, и, во-вторых, что, все-таки, именно в античности отыскиваются «генеалогические корни» *Homo Solus*, Человека Одинокого. Эллинское сознание — по известному определению Гегеля — «счастливое сознание», принципиально исходило из ценностного приоритета космического универсума, содержащего в качестве конститутивных элементов мира (атрибутов) — безличностные стихии. В гомеровской Греции (начало 3 тыс. до н.э.) — Элладе, после дорийского завоевания, в синкретическом мифологическом мировоззрении в центре эпоса оказываются люди, приносящие жертвы богам, зависящие от произвола богов и нередко вступающие с ними в борьбу, а также герои, смертные полубоги — полулюди. Боги в

¹⁷⁷ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 393.